

РОССИЯ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Филиал зарегистрированного союза «Фонд имени Фридриха Эберта» в Российской Федерации
109028 | Москва | Яузский бульвар | д. 13 | стр. 3
E-mail: fesmos@dol.ru

04/2011

"События на Ближнем Востоке: российский взгляд"

Ирина Звягельская

Об авторе: Ирина Доновна Звягельская, главный научный сотрудник Института Востоковедения РАН, профессор МГИМО (У) при МИД РФ

„Вспыхнула во Франции революция, и стало всем ясно, что "просвещение" полезно только тогда, когда оно имеет характер непросвещённый“.

М.Е.Салтыков-Щедрин

Массовые народные выступления в арабском мире, проявившиеся столь неожиданно, открыли новую страницу в развитии региона. Каким именно будет это развитие сейчас сказать сложно. Хотя формально везде народный гнев обращен против авторитарных правителей, слишком долго занимавших свои посты и намеривавшихся (там, где существует президентское правление) даже ввести династическую передачу власти, в каждой стране имелись свои приоритетные причины острого внутреннего кризиса - социальные, конфессиональные, сепаратистские.

В каждой арабской стране, затронутой революционными событиями, ситуация развивалась по-своему: например, в Египте и Тунисе народные выступления привели к отставкам президентов и премьер-министров, к началу либерализации политической жизни (пока с неясными результатами), а в Ливии они вылились в кровопролитную войну, в которую вынуждено было вмешаться международное сообщество. Очень не просто развиваются события в Бахрейне, где страны Персидского Залива даже ввели свои войска, и в Сирии, где, несмотря на обещания реформ, ситуация остается весьма напряженной.

Одним из важнейших вопросов, на который сейчас пытаются ответить ученые, политтехнологи и политические деятели, остается вопрос «почему такое стало возможным». То, что на Ближнем Востоке и в Северной Африке существует много закапсулировавшихся режимов, которые потеряли всякую связь с населением и безнадежно отстали от неравномерно, но быстро модернизирующегося общества, несомненно.

Привычные патриархальные методы управления тоже стали давать сбой. Молодое поколение правителей уже не всегда умеет подыскать правильные слова и интонации при обращении к подданным. Не вызывает сомнений и накапливавшиеся годами проблемы – резкое омоложение общества, появление образованных людей, не способных найти себе применение, бедность, вытеснение сельского населения в города и его маргинализация, масштабная коррупция и т.п.

Вместе с тем, по справедливым оценкам российских ученых А. В. Коротаева и Ю. В. Зинькина, в Египте, в частности, социально-экономическое развитие последних лет не отличалось драматизмом. Темпы экономического роста были одними из лучших в государствах Третьего мира, правительство успешно проводило реформы, уровень коррупции был даже ниже, чем в некоторых постсоветских государствах, включая Россию, снижалось число безработных, а удар по населению мировых цен на продовольствие был несколько смягчен предоставлением субсидий. Однако главной особенностью ситуации было то, что снижение безработицы не коснулось молодых образованных людей, а именно в этой среде она была особенно высока. Режим не просчитал возможности социального взрыва, инициатором которого явились, прежде всего, образованные молодые люди. Не был просчитан и демонстрационный эффект событий в Тунисе, а впрочем, времени найти адекватный ответ на народное недовольство уже не было.

Движущими силами революций являлись современные молодежные движения, не имевшие лидеров национального масштаба, но за ними шли недовольные своим положением традиционные массы. Далекое не только Facebook или Google были главными инструментами мобилизации. Несомненно, интернет сыграл большую роль в оповещении людей, в формировании сплотивших их лозунгов и идей, но наряду с ним эффективно действовали традиционные методы. Мечеть оставалась важнейшим инструментом воздействия на население. После пятничной молитвы и проповеди люди с еще большим энтузиазмом шли митинговать на площадь.

По арабскому миру волна недовольства прокатилась очень быстро, захлестнув даже те государства, которые на протяжении многих лет отличались высоким уровнем стабильности, и сравнительно высоким уровнем жизни населения. Распространение «арабского вируса» поставило вопрос о том, какие еще страны, помимо арабских, он может затронуть, и не станут ли Россия и другие постсоветские государства, прежде всего, Центральной Азии и Кавказа, объектами социальных волнений. Появились даже оценки, согласно которым то, что произошло в арабских странах, является результатом внешнего заговора, происков сил, которые стремились насадить демократию в любом обществе, не разделяющим либеральных ценностей. Значит, им ничего не стоит организовать революции и на постсоветском пространстве.

На самом деле причины выступлений носили внутренний характер, а элементы подражания молодежным организациям восточноевропейских стран периода «бархатных революций» были всего лишь подражанием. Не говоря уж о том, что подозрения о причастности Запада к изгнанию и отставкам своих наиболее верных союзников в арабском мире, были лишены всякой логики. Возрождение привычных обвинений внешних сил в «происках» диктовалось различными причинами, в том числе, и опасениями относительно повторений «оранжевых революций» (неважно, что к этой технологии события в арабских странах не имели отношения) и доминированием в официальном экспертном сообществе людей, склонных разделять теории заговора и, вероятно, не без оснований полагающих, что на них есть спрос и в элите и в обществе.

Если попытаться реально оценить демонстрационный эффект арабских событий для России и других государств СНГ, то на деле он невелик, несмотря на то, что существует сходство некоторых происходящих процессов. Это рост численности образованной молодежи, не находящей себе применения на Родине, болезненные процессы урбанизации, тяжелые социальные последствия внедрения рыночной (а на деле далеко не всегда рыночной) экономики, размах коррупции, бедность населения. Однако при этом, в Центральной Азии, например, напряженность может подпитываться базовыми социально-экономическими проблемами, но реальные взрывы (Таджикистан, Киргизия) происходит только тогда, когда имеется явный раскол элит, когда их соперничество за власть и ресурсы ведет к мощной мобилизации на региональной или локальной основе. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что эффективным способом снижения социальной напряженности является возможность сезонной работы в России и Казахстане. Более того, в России существуют специальные программы, позволяющие образованным людям приехать на заработки. Прежде всего, это касается врачей, учителей, инженеров, которых по запросам направляют в те российские регионы, где потребность в них достаточно высока.

Что касается самой России, то здесь существуют свои причины для недовольства и протестных настроений, но их проявления не связаны с демонстрационным эффектом арабских революций. Очевидно, что наиболее серьезное положение складывается в ряде республик Северного Кавказа. Здесь действует экстремистское подполье, получающее помощь извне, но главное заключается все же в том, что экстремистские и радикальные призывы подаются на подготовленную почву. Полное бесправие основной массы населения, отсутствие справедливости и невозможность найти ее в суде, незащищенность со стороны правоохранительных органов, квази-феодалские отношения – все это в комплексе таит в себе мощный дестабилизирующий потенциал.

Более непосредственными результатами арабских революций для России считаются возможные потери рынков, контрактов и т.п. Прежде всего, речь идет о ситуа-

ции в Ливии и о российских подходах к происходящим событиям. В целом, ситуация, как ни странно, напоминает далекие события 1990-1991 гг., когда мир готовился к операции против Ирака «Буря в пустыне». Разумеется, полной аналогии быть не может. Тогда еще существовал СССР, который впервые за годы «холодной войны» проголосовал за резолюцию СБ ООН, предполагавшую применение военной силы против Ирака, захватившего Кувейт. Операцию должны были осуществить США и их союзники при поддержке арабских государств Залива, предоставивших свою территорию. В то время в СССР готовность политического руководства солидаризоваться с Западом вызвала резкую реакцию со стороны коммунистических и националистических сил. Фактически «Буря в пустыне» стала предлогом для активизации внутривнутриполитической борьбы по базовому вопросу выбора пути развития.

Сейчас, хотя выбор был сделан давно, в России все же достаточно явно ощущается противостояние между националистически настроенными силами, для которых Запад остается главным источником угрозы, и силами либеральной ориентации, настроенными если не на полную кооперацию усилий с западными государствами, то хотя бы на предотвращение дополнительных трений. К этому можно присовокупить озабоченность российских компаний, которые утверждают, что в результате позиции, занятой Кремлем, потеряют все потенциальные и реальные заказы. По приводимым оценкам, Россия может потерять от 4 до 5 млрд. долл. в связи с приостановлением военных контактов с Ливией. На самом деле ситуация не столь однозначна. Во-первых, речь может идти лишь о действующих, но не реализованных контрактах, т.е. об упущенной выгоде. Во-вторых, любое ливийское правительство будет заинтересовано в том, чтобы диверсифицировать свои внешние связи, и российским поставщикам непременно найдется место. Разговоры о том, что российские компании теряют слишком много, выглядят весьма странными в условиях, когда всем уже ясно, что Каддафи придется уйти. Он обречен, и связывать с ним надежды на продолжение выгодных военных и экономических связей более чем близоруко.

Тем не менее, даже в правящем тандеме обозначилась разница в подходах к происходящим событиям. В средствах массовой информации началось широкое обсуждение раскола в правящих рядах. Не отрицая различий в стилистике президента и премьера, все же представляется, что заявления В.В. Путина были скорее нацелены на те слои и группы, для которых поддержка РФ западных государств всегда служит источником недовольства. Это недовольство, по сути, меньше всего продиктовано событиями в Ливии и вокруг нее, а вызывается внутренними проблемами. В современной России достаточно большое число социально травмированных людей. Они не видят для себя будущего, обречены оставаться на самых нижних ступенях социальной лестницы, они неоправданно бедны, хотя вовсе не являются безработными. Вот для

такой категории униженного и не способного реализовать себя населения главным врагом чаще всего становятся внешние силы, чужаки. Нельзя отрицать наличия соперничества по ряду серьезных проблем между Россией и некоторыми государствами Запада. Нельзя забывать о не без оснований сформировавшемся недоверии к НАТО. И все же попытки доказать, что Каддафи был нашим верным союзником, а НАТО проводит военную операцию, чтобы лишить нас опоры и, соответственно, выгодных контрактов, чтобы поставить под полный контроль ливийскую нефть, являются не более, чем отражением существующих в обществе фобий.

Нет сомнений, что российские компании вернутся в Ливию, что будут выполняться ранее подписанные соглашения, но условия конкуренции наверняка станут более жесткими. Это означает, что некоторым представителям российского бизнеса, привыкшим работать на субподрядах, придется перестраиваться с тем, чтобы соответствовать меняющимся условиям. С точки зрения российской экономики, это даже неплохо.

В случае затягивания операции ее непосредственные участники станут объектом все усиливающейся критики, в том числе, и со стороны России, но, в целом, это вряд ли приведет к реальному обострению отношений. Тот факт, что при голосовании резолюции СБ ООН РФ воздержалась, обеспечивает ей сбалансированную позицию.